

Мусаєва Ф. В.

Бакинський славянський університет

ВЫБОР НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ: ФАРХАД И ХОСРОВ

У статті аналізується образ досконалої людини, майстра своєї справи Фархада у масневі твори азербайджанського поета Нізамі Гянджеві (1141–1209) «Хосров і Ширін». Хоча в народі були відомі легенди про кохання Фархада та Ширін, чому Нізамі Гянджеві написав твір, що прославляє любов Хосрова та Ширін? Чому Нізамі Гянджеві не вибрав його головним героєм, незважаючи на те, що існує безліч топонімів, пов'язаних з любов'ю Фархада і Ширін і навіть місцем їхньої могили, що збереглися від найдавніших часів до наших днів? Вважається, що могили Фархада та Ширін досі збереглися на території сучасної Туреччини. Чи є образ Фархада, що часто зустрічається в класичній ісламській літературі як до, так і після Нізамі Гянджеві, історичною особистістю, подібною до сасанідського правителя Хосрова Парвіза? Слід зазначити, що після Нізамі Гянджеві образ Фархада зображений у творах багатьох класиків Сходу. У більшості цих творів він представлений як художник, майстерний архітектор; а у «Фархаднам» азербайджанського поета Аріфа Ардабіллі (1311–1392) він представлений як спадковий правитель, шах, що вивчив архітектуру і ремесло. У масневі Нізамі Гянджеві «Хосров і Ширін» Фархад любить Ширін, але приречений на трагічну долю. У цій роботі також вивчається вплив історичних відомостей та легенд, твори великого іранського поета Абулькасім Фірдовсі (940–1020) «Шахнамі» на образ Фархада, відтвореного в «Хосрові і Ширін» Нізамі Гянджеві; проводяться паралелі з долею Фархада із азербайджанського фольклору; розглядається питання про зведення сасанідського правителя Хосрова Парвіза на рівень досконалості релігійним поетом Нізамі Гянджеві, незважаючи на негативне ставлення Хосрова Парвіза до ісламу та його пророка.

Ключові слова: класична ісламська література, легенда, Фархад, Хосров, Ширін, художник.

Постановка проблеми. Как один из первых совершенных образов художников в мировой литературе, Фархад [11, с. 8] является одним из самых ярких образов в «Хосрове и Ширин» Низами. Он представлен не как эпизодический персонаж, а занимает почетное место в галерее главных образов, который совершенно необходим для раскрытия замысла произведения [3].

Когда Низами начинает повествовать о Фархаде, выделяет в произведении отдельный раздел под названием «Дастан о Фархаде и Ширин». В этом разделе он приглашен в замок Ширин для проведения молочной реки в ее покои. Он быстро справляется с этой непростой задачей. Фархад, слышавший за кадром рекрасную речь Ширин, безумно влюбляется в обладателя этого голоса. Он избегает всех, чтобы люди не судачили о его любви. Тем не менее вскоре его любовь становится легендой среди людей. Когда Хосров узнает о ее любви, он приглашает его к себе во дворец. Во время этой встречи Хосров осознает, ничто не способно заставить Фархада отказаться от этой любви: ни золото, ни богатство, ни запугивание не способны стать преградой его чувствам. Хосров обещает, что если сможет подняться на гору великого Бусутуна, то приведет Фар-

хада к его мечте. Фархад ставит встречное и более трудное условие перед ним: чтобы Хосров отказался от Ширин, когда Фархад проробут гору и проведет дорогу. Хосров вынужденно соглашается с ним. Вскоре Хосров обнаруживает, что Фархад справляется с этой сложной задачей. Тогда его посыльный отправляется к Фархаду с ложным сообщением о том, что Ширин мертва. Тот не выдерживает этой новости и умирает.

Цель работы – выяснить причины того, почему Низами Гянджеви в произведении «Хосров и Ширин» представляет Фархада, которого он создал с большой симпатией, как не главного героя, а всего лишь как эпизодический образ.

Изложение основного материала. Таким образом, в произведении Фархад представлен как личность, который не будучи из шахского сословия, по всем параметрам во много раз превосходит шаха благородного происхождения. Осознавая это, Ширин глубоко тронута. Хотя она не влюблена в Фархада, но когда узнает о его смерти, хоронит с почестями и со слезами. И в этом эпизоде произведения, как и в «Путешествии» Эвлии Чалаби, подчеркивается мысль о том, что Фархад – чужеземец, пришлый.

«Важно оплакивать смерть незнакомца,
Пусть мир всегда плачет о Фархаде» [7].

(Ağlamaq vacibdir qərib ölmüşə,

Ağlasın Fərhadı dünya həmişə). В этих строках Низами выразил заботливое и теплое отношение в к *qərib* (гариб – чужеземец) в устной народной литературе тюркских народов. В целом можно обращает внимание параллелизм и сходство судьбы Фархада в этом произведении с фольклорными мотивами изгнания, полная печали и скорби, широко используемая в азербайджанской устной народной литературе.

Следы Фархада в исторических источниках.

Арабский писатель XIX века Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари впервые упоминает Хосрова и Ширин в исторических документах. Его знаменитый труд «Тарихи-Табари» по инициативе Мансура ибн Нуха Самани был переведен на персидский язык известным саманским историком X века Абу Али Мухаммадом ал-Балами и дополнен многими эпизодами и сведениями. Примером тому может служить информация о Фархаде, его любви к Ширин и его трагической гибели. Исследователи также считают, что Балами был первым автором, написавшим рассказ о Фархаде и Ширин до Низами Гянджеви [9]. Заметки о Фархаде как реальной исторической личностью, а также о его архитектуре засвидетельствованы в историческом труде «Китаби-муджмалат-таварих в-ал-кисас», записанном в XII веке. Свое мнение по этому поводу высказывает автор «Китаби-муджмалат-таварих в-ал-кисас»: «...в его (Хосрова) гареме жили двенадцать тысяч женщин. Среди них были Марьям, дочь Румского императора, Бахрам-дохт, Гурдья и красавица Ширин. В него влюбляется Сипахбод (полководец) Фархад... Парвиз наказывает его, приказывая прорубить гору (Baləmi, издательство Bahar, стр. 1090–91). Анонимный автор «Китаби-муджмалат-таварих в-ал-кисас» (ок. 520/1226), относит Фархада к периоду как каянов (Моджмал, издательство Bahar, стр. 25, 92), так и Хосрова. В царствование Парвиза (стр. 79, 96), Парвиз назначил его героем-воином и командующим войском (сепакбадом). Говорят, что он влюблен в Ширин. В результате его следы до сих пор вынуждены выполнять работу, оставленную на горе Бисутун» [6].

Впервые изображение Фархада в несколько измененной версии – как сасанидского персонажа – встречается в истории Табари Балами, переведенной на персидский язык: «...эта и есть та наложница (Ширин), в которого влюбился Фархад. 1090–91). царствования Парвиза (стр. 79, 96),

Парвиз назначил его героем-воином и командующим войском (сепакбадом). Говорят, что он влюбился в Ширин» [9].

Одним из авторов, предположивших, что Фархад (как и Меджнун), ставший архетипической фигурой в классической литературе мусульманского Востока, имел реальным прототипом, был в XVII веке Эвлия Чалаби, путешествовавший во многие регионы Ближнего и Среднего Востока, в том числе Кавказ, и записавший увиденное, свои впечатления.

В своем «Путешествии» он пишет, что около Румской крепости, построенной в Амасье Фархадом [4, с. 526], имелись гора и пролив, названные Фархад [4, с. 526]. В разделе «Визит Фархада» автор подчеркивает, что Фархад не местный, а иностранец, как было отмечено выше: «Говорят, что этот (т. е. Фархад-М. Ф.) из Амалики. Только амасийцы утверждают, что умер как мусульманин. Он был похоронен на вершине высокой горы в Амасье, обращенной к кибле. Ведьма, которая стала причиной самоубийства Фархада, сказала: «Ширин мертва», была похоронена между Фархадом и Ширин. Странно то, что на могилах Фархада и Ширин растут два больших цветка и обвиняют друг друга. Но эта ведьма и тут мешает им.» [4, с. 528]. (“Bunun (yəni Fərhadın-M. F.) Amalika’dan kalma olduğu söylənilir. Fəqət Amasiyalılar Müslüman olaraq öldüyünü iddia edərlər. Amasiyanın qiblə tərəfinə baxan yüksək dağın tərəsində dəfn olunub. “Şirin öldü” deyə Fərhadı və Şirin arasında basdırılıb. Qəribə olan budur ki, Fərhad ilə Şirinin məzarları üzərində iri iki gül bitib bir-birinə sarılırkan bu ifritə qarının üstündə bitən tikanlar aralarına girib bunları bir-birindən ayırır. Əcəyib bir sirdir. Bu dünyada və axırətdə buluşmalarına əngəl olmuş ifritədir.”). Из этих заметок и описаний могил видно, что Эвлия Чалаби считает его реальной исторической личностью, ссылаясь на эти факты. Это описание также показывает, что описание могилы возлюбленной повторяется и тесно переплетается как в классической поэзии, так и ашугской литературе.

Фархад как мифологический образ. О мифологической основе образа Фархада написано немало. Например, существует народная легенда о том, что скульптор Фархад влюбился в Ширин, сестру Мехин (Мехмене) Бану, правительницы провинции Эрзен, однако Мехин Бану воспротивилась этой любви, потому что сама влюблена в Фархада. Правитель Амасьи Ормузд, с целью помочь Фархаду, идет войной на Мехина (Мех-

мене) Бану. В это время в Ширин влюбляется и сам сын Ормуза. Победенная Мехмане Бану покидает свою страну. Увидев, собственный сын влюбился в Ширин, Ормузд-шах поручает ему трудную задачу провести воду, прорубив гору. Фархад с большим искусством справился с этой задачей. Тогда правитель через старуху передал известие о смерти Фархада Ширин. Поверив этому ложному известию, Фархад подбросил в воздух свою кувальду и погибает по ударом собственной кувальды. Ширин, получившая известие о смерти Фархада, покончила с собой кинжалом. Двое влюбленных были похоронены вместе. Согласно легенде, каждую весну на могиле Фархада вырастает красный цветок, на могиле Ширин – белый цветок, а посреди обеих могил вырастает терновый куст [5]. Этот миф в некоторых моментах очень переключается с описанием Эвлия Чалаби в его «Путевом дневнике». В частности, описание цветов, растущих на могилах влюбленных, в «Путевом дневнике» повторяет циркулирующие в фольклоре мотивы.

В мифологии и фольклоре тюркских, как и у всех народов мира, любимый герой наделен необычайной силой и мудростью. Низами тоже подчеркивает эти черты своего литературного образа Фархада. «Слоновью силу» его Фархада можно сравнить со «слоновьей силой» Гараджа Чобана из дастана «Китаби-Деде Горгуд» [14, с. 62]. Идеи и художественная ткань произведений Н. Гянджеви восходят от народного творчества к древним шумерским традициям. Произведения Низами включают «Авесту», средневековую пехлевийскую литературу, «Китаби Дада Горгуд», персидскую и арабскую литературу того периода, древние источники, христианские и еврейские источники, «Священный Коран», мусульманскую литературу того периода и устный фольклор [14, с. 621]:

По древнейшим копиям,
Я только украсил его своим собственным стихом.
Из старейших исторических трудов-
еврейских, христианских и пехлеви,
Я выбрал самые изящные слова [7, с. 54].

(Ən köhnə nüsxədən əsas alaraq,
Onu öz şeirimlə bəzədim ancaq.
Ən qədim tarixi əsərlərdən mən,
Yəhudi, nəsrani, pəhləvilərdən
Ən incə sözləri əlimə aldım)

Низами Гянджеви был знатоком мифологии народов мира, в частности с мифологией и фольклором Востока. «Литературно-художественная информация, которая исходит из мудрости

народа, стремления к истине и справедливости превращается в искусство, в сочетании с мудростью Низами становится философским явлением. Каждом из этих слоев, ярусов представляет собой отдельный тип модели мира, в различных же комбинациях элементов, таких как разный сюжет, композиция, образ, мотив, воссоздается еще один тип [13, с. 9]. В европейской культуре эпохи Возрождения много написано об обращении к древнегреческой и римской мифологии. «Как видно из европейской модели Возрождения, мифы имеют определенную актуальность в контексте Возрождения. Однако актуальность мифов здесь не в том, что они являются доминирующим сознанием. Важной особенностью европейского Возрождения является его опора на гуманизм античных мифов, идеализированных Средними веками как носители абсолютного добра в отрицании абсолютного зла. В этом смысле Ренессанс был пробуждением античности, возрождением «античного мифа» [13, с. 9].

Почти во всех своих произведениях Низами выражал недовольство своим временем и окружающим его обществом, писал, что предшествовавший ему период был более справедливым.

Сейфеддин Рзасой пишет об обращении Низами и художников эпохи Возрождения к мифам античности: «Поэзии Низами, да и восточной поэзии в целом характерна идеализация прошлого. Во всех случаях прошлое воспринимается как идеальный этап со свойственной ему порядком. Прошлое есть пример идеального. Миф есть структурная мысль, представляемая этой мыслью модель мира состоит из ритмической организации сакрального инварианта в виде профанных цепочек, сакральное профанное повторяется как наслоение, иными словами, структура обыденного мира повторяет структуру сакрального мира» [34, с. 9]. Но, конечно, не это является главной причиной обращения Низами к прошлому.

Образ Фархада в творчестве поэтов до и после Низами. Как отмечает видный ученый Азада Рустамова, имя Фархада упоминается как символ любви в произведениях многих поэтов до Низами. В поэме «Шахнаме» великого Фирдовси также упоминается военачальник по имени Фархад среди полководцев Хосрова. Персоязычный азербайджанский поэт XII века Хагани Ширвани (1120–1199) упоминает Хосрова, Ширин и Фархада в нескольких местах. В этих стихах поэт восхищается величием Хосрова, самоотверженностью Ширин и мастерством Фархада. Хагани упоминает его также в своей поэме «Руины

Мадайна». «Низами виставляє проти царя свого героя из числа трудящихся и выдвигает очень смелую для своего времени мысль, как-то о превосходстве труда и искусства над царством. ... Эта сцена несколько видоизменена в произведениях последователей Низами. Хосров Дахлеви, Ариф Ардабили, Наваи и другие поэты избегали сравнения великого шаха с простым батраком. Описав Фархада как принца, они сопоставляют двух людей равного происхождения» [2, с. 13].

Любовь Фархада и Ширин в творчестве Низами или любовь Фархада? Хотя Низами известна эта легенда, его выбор Хосрова, а не Фархада в качестве главного героя для своего произведения, можно объяснить четырьмя причинами. Во-первых, исторические источники свидетельствуют, что третью жену Хосрова II действительно звали Ширин.

Вторая причина в литературном воплощении принципов «каким должен быть правитель?» в традиции «литературы зеркал» литературы, популярного дидактического жанра произведений Низами, предназначена для воспитания принцев («mirror for princes»). «В эпосах позднего Средневековья и раннего Нового времени прославляются и представители простонародья. Эпос также является зеркалом общественной жизни и культурных ценностей (семейных отношений, правил общества, правил, которым нужно следовать, религиозных обычаев и т. д.), которые были приписаны во время написания, или новой формой литературы мудрости), хотя и не напрямую» [8, с. 63]. Эти произведения Низами выполняют функцию «литературы зеркал» для царей и князей своего времени: они учат их правильному образу жизни, верности в любви, справедливому управлению и благим нравам в целом. В творчестве Хосрова и Ширин поэт часто олицетворяет отца Хосрова, Ормузда, в лице Хосрова поучает отпрысков правителей. На наш взгляд, в этом контексте для правителя естественно выбрать Хосрова.

С другой стороны, причину, по которой Фархад не был выбран главным героем в творчестве Низами, можно объяснить влиянием «Шахнаме» иранского поэта Фирдовси. Хотя в творчестве Фирдовси упоминается имя Фархада, в основном речь идет о великой любви Хосрова и Ширин. Как отмечал в своем исследовании «Диванная литература» Искандер Пала, «иранское влияние в диванной поэзии способствовало обращению поэтов к героям «Шахнамэ». Они являются образцом для подражания для диванной поэзии». Хотя турецких героев десятки, но каждый поэт подо-

бен герою Шахнаме... эти герои, ставшие легендарными людьми, являются образцом и образцом для подражания для диванной поэзии» [10, с. 50].

Четвертую причину, по которой Низами выбрал Хосрова главным героем своего маснави, можно объяснить любовью поэта к пророку Мухаммеду и его религии. Исламские исторические источники утверждают, что Пророк написал письмо Хосрову, приглашая его принять ислам. Тот разорвал письмо и отверг предложение. После того, как Хосров Парвиз был убит собственным сыном в конце поэмы, автор добавил еще одну главу, которая называется «Причины распада Хосровского царства». Так поэт утверждает в своем произведении, что Пророк Мухаммед призвал Хосрова к исламу:

Человек, который не спит по ночам

Сказал: «Таков случай Хосрова:

Однажды ночью луна пролила серебро на землю,
Хосров увидел Мустафу во сне.

На арабском коне, с раскрытыми бровями,

С ниспадавшими волосами

Он сказал мягко:

«О храбрец, прими ты Ислам и отрекись от куфра».

«Даже если мою голову снесут, – сказал Хосров,
Я не сверну с моего пути» [7, с. 459–460].

Низами тонко намекает на связь этого отказа Хосрова Парвиза пророку с трагическим концом его судьбы за то, и призывает людей извлечь из этого урок:

От чуда великого Мухаммеда

Многие извлекли такой урок.

Но многие жестокие люди,

Так и остались без урока [7, с. 466].

Таким образом, Н. Гянджеви, сделав Хосрова главным героем, как бы напоминает, что Хосров, проявлявший неуважение к пророку ислама, в итоге был «наказан». Тем самым великий поэт выполняет свою нравственную миссию перед лицом ислама, желая преподнести людям урок. Уделяя особое внимание этому пункту, Мамед Амин Расулзаде писал: «...Низами – правоверный мусульманин. Для него невозможно не вплетать в свой текст постисламские повествования. Вот почему поэт наказал Хосрова Парвиза за его неуважение к письму пророка Мухаммеда» [12, с. 11].

Выводы. Итак, образ Фархада, к которому Низами относится с большим уважением в своем масневи «Хосров и Ширин», имел и мифологические, и исторические прототипы. Некоторые сведения о следах Фархада в истории имеются в исторических документах X–XII веков. Гроб-

ниці Фархада и Ширин, описанные Эвлией Чалаби в XVII веке, до сих пор сохранились в современной Турции. Подчеркивая несколько раз, что ему были известны легенды о Фархаде в регионе (в том числе и в тюркских землях), Низами с большой любовью вводит в повествование образ Фархада в свою поэму «Хосров и Ширин». Несмотря на то, что ему известны легенды и исторические сведения о Фархаде и Ширин, есть несколько причин, по которым он выбрал главным героем Хосрова, а не Фархада. Первую из этих причин можно объяснить тем, что поэт отдает предпочтение историческим

источникам и фактам, а вторую, как отмечают многие исследователи, сильным влиянием мотивов и образов «Шахнаме» Фирдовси на исламскую литературу. При этом, на наш взгляд, одной из причин было то, что поэту было важно писать о жизни правителей, а не художников, чтобы наставлять правителей своего времени, согласно канонам дидактического жанра *mirror for princes*. Низами Гянджеви также хотел «поучать» противников ислама и пророка Мухаммеда на примере Хосрова и старался достойно выполнить свой нравственный долг перед господствующей в своей местности религией ислама.

Список литературы:

1. Amalika // <http://tr.yenisehir.wikia.com/wiki/Amelika>
2. Araslı H. Ölməz məhəbbət dastanı. – В книге: Nizami Gəncəvi. *Xosrov və Şirin*. Bakı : Lider, 2004.
3. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. B., Elm, VI cildə, II c, 2007.
4. Çələbi E. Səyahətnamə. Cild 1, 2. İstanbul: Ucdal nəşriyyat, 2015.
5. Ferhat ile Şirin kimdir? Hikayesi nedir? // www.mailce.com/ferhat-ile-sirin-kimdir.html/comment-page-1
6. Fərhad // <https://az.wikipedia.org/wiki/F%C9%99rhad>
7. Gəncəvi N. Xosrov və Şirin. Bakı: Lider, 2004.
8. Qeybullayeva R. Epos tarix və mif qovşağında: “Kitabi Dədə Qordud” və “Nibelunqlar haqqında nəğmə” əsasında. Bakı: Mütərcim, 2016.
9. Moayyad H. Farhad. Encyclopedia Iranica. Last Updated: December 15, 1999 Last Updated: December 15, 1999 // <http://www.iranicaonline.org/articles/farhad%20>
10. Pala İ. Divan ədəbiyyatı. L&M Yayıncılık, 2002.
11. Paşayev A. Nizami Gəncəvinin poetik adlar aləmi (Poetik antroponimika). Bakı : Mütərcim, 2010.
12. Rəsulzadə M. Ə. Azərbaycan şairi Nizami. Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı. Bakı, 1991.
13. Rzasoy S. Nizami poeziyası: mif tarix konteksti. Bakı, 2003.
14. Təhməzova E. Nizami Gəncəvinin əsərlərində tarixə fəlsəfi baxış. Tarixin fəlsəfəsi: Retrospektiv və perspektiv. AMEA Fəlsəfə İnstitutu “Azərbaycan” nəşriyyatı, 2018.
15. Гейбуллаева Р. Звездный персонаж Шах Аббас, жертвоприношение и звездные метаморфозы в повести «Обманутые звезды» М. Ф. Ахундова // Annual Scholarly Journal of Literary Theory and Comparative Culture. Tbilisi, Sijani, 2014, pp. 61–74.

Musayeva F. V. THE IMAGE OF THE ARTIST IN THE MASNAVI OF NIZAMI GANJAVI “KHOSROV AND SHIRIN”

This paper analyzes the image of a perfect man, craftsmen Farhad in the masnevi of Azerbaijani poet Nizami Ganjavi's (c. 1141–1209) work “Khosrov and Shirin”. Although the legends about the love of Farhad and Shirin were known and circulated among the people, why did Nizami Ganjavi instead write a work glorifying love of Sasanian ruler Khosrov and Shirin? Why didn't Nizami Ganjavi choose Farhad as the main character, despite the fact that there are many toponyms associated with the love of Farhad and Shirin; even the place of their grave, preserved from ancient times to the present day? It is believed that the graves of Farhad and Shirin are still preserved in the territory of modern Turkey. Is the image of Farhad, often found in classical Islamic literature before and after Nizami, a historical figure similar to the Sasanian ruler Khosrow Parviz? After Nizami Ganjavi, the image of Farhad is depicted in the literary works of many Islamic Eastern classics. In most of these works, he is presented as a skilled architect. “Farhadname” by Azerbaijani poet Arif Ardabilli (c. 1311–1392) presents him a hereditary ruler, a shah who studied architecture and craft. In Nizami Ganjavi's masnevi “Khosrov and Shirin” Farhad loves Shirin, but is doomed to a tragic fate. This work also investigates the influence of historical manuscripts and legends, as well as the work of the great Iranian poet Abul-Qasem Firdowsi's (c. 940–1019/1025) masnevi “Shahnameh” on the image of Farhad, reproduced in “Khosrov and Shirin” by Nizami Ganjavi; the issue of raising the Sasanian ruler Khosrov Parviz to the level of perfection by the religious poet Nizami Ganjavi, despite the negative attitude of Sasanian ruler Khosrov Parviz towards Islam and its prophet; parallels are drawn with the fate of Farhad from Azerbaijani folklore.

Key words: classical Islamic literature, legend, Farhad, Khosrov, Shirin, artist.